

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ/RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF
RUSSIA

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.66.8>

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Научная статья

Назмутдинова Т.С.^{1,*}, Бродская Е.И.², Булатова Н.Я.³, Валенкова В.В.⁴, Гашилова Л.Б.⁵, Головацкая Т.П.⁶, Заксор
Л.Ж.⁷, Мартыанова И.А.⁸, Орлова А.Г.⁹, Рябчикова З.С.¹⁰, Туре З.Г.¹¹, Федоренкова В.С.¹², Яркина Е.И.¹³

¹ ORCID : 0000-0002-4649-3432;

⁵ ORCID : 0000-0002-0668-9393;

⁶ ORCID : 0000-0001-8183-1671;

⁷ ORCID : 0000-0002-4218-363X;

⁸ ORCID : 0000-0003-3526-317X;

¹⁰ ORCID : 0000-0002-7297-5590;

¹¹ ORCID : 0000-0001-9876-580X;

¹² ORCID : 0000-0002-0785-0273;

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13} Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (scurumoch[at]mail.ru)

Аннотация

Статья является продолжением исследования второстепенных членов предложения в миноритарных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и посвящено сравнительно-сопоставительному анализу определения в разнотипных языках. В отличие от предыдущей статьи, посвященной обстоятельству, в данной работе привлечены материалы еще по двум северным языкам (эвенкийскому и чукотскому), а также, данная дефиниция — определение рассмотрена с точки зрения русского языкознания. Это обусловлено тем, что грамматики миноритарных языков разрабатывались на основе грамматических исследований русского языка, особенно это затронуло грамматики младописьменных языков, письменность которых создавалась в середине XX века. Между тем многие исследователи отмечали тот факт, что первые грамматики миноритарных языков страдали рядом неточностей так как грамматические категории этих языков испытали сильнейшее грамматическое влияние русского языка. Например, именные части речи в некоторых языках определялись не вполне корректно, из-за того, что ориентация была на грамматику русского языка. В частности, для финно-угорских языков характерно употребление существительного в роли прилагательного и изначально имя в этих языках не делилось на отдельные части речи. Позднее, под влиянием, в том числе, русской грамматики, произошла классификация именных частей речи. Так, в архивных записях начала XX века в кильдинском диалекте саамского языка появились степени сравнения прилагательного.

В ходе исследования были использованы методы сравнительного анализа, описания, типологический и структурный методы, методы компонентного анализа лексики исследуемых языков.

Ключевые слова: второстепенные члены предложения, долганский язык, эскимосский язык, хантыйский язык, мансийский язык, эвенский язык, эвенкийский язык, нанайский язык, ненецкий язык, нивхский язык, чукотский язык, вепсский язык.

SECONDARY SENTENCE MEMBERS IN THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE
NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST. ATTRIBUTE

Research article

Nazmutdinova T.S.^{1,*}, Brodskaya E.², Bulatova N.Y.³, Valenkova V.V.⁴, Gashilova L.B.⁵, Golovatskaya T.P.⁶, Zaksor
L.Z.⁷, Martyanova I.A.⁸, Orlova A.G.⁹, Ryabchikova Z.S.¹⁰, Ture Z.G.¹¹, Fedorenkova V.S.¹², Yarkina Y.I.¹³

¹ ORCID : 0000-0002-4649-3432;

⁵ ORCID : 0000-0002-0668-9393;

⁶ ORCID : 0000-0001-8183-1671;

⁷ ORCID : 0000-0002-4218-363X;

⁸ ORCID : 0000-0003-3526-317X;

¹⁰ ORCID : 0000-0002-7297-5590;

¹¹ ORCID : 0000-0001-9876-580X;

¹² ORCID : 0000-0002-0785-0273;

^{1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13} A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (scurumoch[at]mail.ru)

Abstract

The article is a continuation of the research on secondary sentence members in minority languages of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East and is dedicated to a comparative analysis of the attribute in different languages. Unlike the previous paper on the adverbial modifier, this one uses materials from two more northern languages

(Evenki and Chukchi) and examines the attribute from the point of view of Russian linguistics. This is due to the fact that grammars of minority languages were developed on the basis of grammatical studies of the Russian language, especially grammars of young written languages, the writing of which was created in the middle of the XX century. Meanwhile, many researchers have noted the fact that the first grammars of minority languages suffered from a number of inaccuracies, since the grammatical categories of these languages were strongly influenced by Russian. For example, the nominative parts of speech in some languages were not quite correctly defined, because of the orientation towards the Russian grammar. In particular, Finno-Ugric languages are characterised by the use of a noun in the role of an adjective, and initially the name in these languages was not divided into separate parts of speech. Later, under the influence of Russian grammar, among others, the classification of nominal parts of speech took place. Thus, in the archival records of the early XX century, the degrees of comparison of the adjective appeared in the Kildin dialect of the Lapp language.

In the course of the research, the methods of comparative analysis, description, typological and structural methods, methods of component analysis of the vocabulary of the studied languages were used.

Keywords: secondary sentence members, Dolgan language, Eskimo language, Khanty language, Mansi language, Even language, Evenki language, Nanaian language, Nenets language, Nivkh language, Chukchi language, Veps language.

Введение

Статья посвящена исследованию определения в разносистемных языках северных этносов и является продолжением серии статей, посвященных второстепенным членам предложения в миноритарных языках. Цель данной статьи — выявление особенностей функционирования определения в результате его сравнительно-сопоставительного анализа в разносистемных языках.

В условиях определенного дефицита научных исследований в сфере сравнительной грамматики миноритарных языков теоретическая и практическая значимость статьи очевидна. Результаты исследования могут быть использованы при изучении и преподавании языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Основная часть

Определение — это второстепенный член предложения, имеющий общее значение признака, выраженный отдельным словом или сочетанием слов. Определение характеризует с той или иной стороны любой член предложения с предметным значением.

В русском языкознании трактовка определения вписывается в общую проблематику изучения главных и второстепенных членов предложения [7, С. 273–277], [24, С. 92–103]. Не занимаясь историей вопроса, отметим, что А. А. Шахматов считал *определением* исключительно согласованное определение [23, С. 274–414], а А. М. Пешковский, отказавшись от этого термина, предлагал дифференцировать согласуемые, управляемые и примыкающие части речи [18, С. 283–284].

Во многих современных синтаксических трудах термин *определение*, как правило, не используется, как и термины *дополнение* и *обстоятельство*, но он по-прежнему актуален в школьном и вузовском образовании. В школе доминирует логико-грамматический подход, связанный с именем Ф. И. Буслаева, при котором определение понимается как второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы *какой?*, *который?*, *чей?* и характеризующий члены предложения, выраженные именными частями речи.

Однако данный подход (мы не имеем в виду направление логического анализа языка) исчерпал себя в научном отношении. Вследствие этого, учебно-методическая трактовка определения содержит много нерешенных и спорных вопросов: отличие несогласованных определений от дополнений и обстоятельств, критерии однородности определений, дифференциация обособленных приложений и уточняющих, поясняющих определений и др. В современных вузовских учебных пособиях, используемых в практике преподавания синтаксиса современного русского языка студентам института народов Севера, даются ответы на многие из них [11, С. 233–260], однако по-прежнему ощущается недостаток сравнительно-сопоставительных исследований определения в разносистемных языках.

2.1. Определение в тюркских языках

В долганском языке определения бывают двух типов:

- а) характеризует определяемое по признаку, составляющему его свойство, качество;
- б) характеризует определение по признаку принадлежности — изафетное определение.

Например: кыһыл, күөк хаардар үөһэ диэк көттүлэр «красные, синие шары взлетели вверх» (качественное определение); күөл балыга амтана атын «озерная рыба отличается по вкусу» (определение по признаку принадлежности).

Определение в долганском языке имеет строго закрепленную позицию в предложении: место перед определяемым словом. Если определение стоит после определяемого слова, то меняется его синтаксическая функция, и оно переходит в разряд примыкания или изафета.

Примыкающим определением могут быть разные части речи: прилагательные, числительные, указательные местоимения, причастия и имена существительные.

Чаще других частей речи в роли определения выступают прилагательные, поскольку их грамматическое категориальное значение — обозначение признака предмета. Например: күһүн кэлбитин иһин һылаас күннэр тураллар «несмотря на то, что наступила осень, стоят теплые дни».

Очень часто в качестве определений можно увидеть производные (отыменные) прилагательные на –лаан: күөл диэккиттэн хаалаак дьон иһэллэр «со стороны озера идут люди с ружьями».

Числительные разных разрядов выражают количественный признак взаимности от значения числительного: алтыс дьиэгэ чугаһаатыбыт «приблизились к шестому дому».

Числительные с аффиксом –лаак не очень характерны для долганского языка, то есть вместо уоннаак «имеющий десять (лет)» предпочтительнее словосочетание уон дьыллаак «десятилетний, имеющий десять лет». Например: уон дьылаак уолу балыаһага агаллылар «десятилетнего мальчика привезли в больницу».

Указательные местоимения выступают в роли определения обозначая уже известное или наглядное: бу манна попигайтан иккиэлэр, эмээксин уонна гини уола «здесь попигайских двое, эта старушка и ее сын».

В качестве определения употребляются и другие виды местоимений.

Определения-причастия встречаются довольно часто в двух случаях:

а) действие, выраженное определением-причастием, принадлежит определяемому: көрбүт киһи кэпсээтин «пусть расскажет увидевший человек».

б) действие, выраженное определением-причастием принадлежит определяемому, но указание на конкретное лицо не имеет значения: астаммыт миин турар «сваренный (кем-то) суп стоит на столе».

Сфера функционирования имен существительных в качестве определения чрезвычайно разнообразна. Определяемое характеризуется по признаку материала, назначению, по форме, обладанию предметом и т.п.

а) имя существительное при адъективации: мас дьигэ көспүттэр «переехали в деревянный дом»;

б) имя существительное обозначает назначение определяемого: кыһын һыырга дьизгэ олоролор «зимой живут живут в нартяном доме»;

в) имя существительное выражает форму (чин) определяемого: гинилэр голомого кыстыылар «зимуют в своем жилище-голомо (по чину)»;

г) определение по признаку обладания чем-либо соотносится с производным прилагательным: оголоок дьакталлары дьизгэ ыһырдылар «женщин с детьми позвали в дом».

Изафетные определения относятся к числу особого вида второстепенного члена в тюркских языках и имеют строго соблюдаемую форму: определение стоит перед определяемым, оформленным аффиксом принадлежности. При этом семантические значения принадлежности достаточно широки и допускают принадлежность от реальных понятий до чисто грамматических оппозиций абстрактных субстанций. Однако надо подчеркнуть, что их морфологическое оформление неизменно.

Простые изафетные определительные сочетания состоят только из двух членов, хотя и определение, и определяемое могут получить распространение: биһиги Хатанга, Хета, Котуй устун бардыбыт «мы кочевали по землям Хатанги, Хеты, Котуя».

Сложное изафетное определительное сочетание состоит из сочетания двух или нескольких изафетных сочетаний. Например: огом карагын уута «слезы моего ребенка» состоит из двух простых сочетаний огом карага и карак уута; гини һыыргатын һуола «очертания следов его нарты» состоит из трех изафетных сочетаний. Как видно, средний член изафетного сочетания оформляется по-особому - аффиксом –ын, –тын, происхождение которого связывают с древним, исчезнувшим в долганском и якутском языках, родительским падежом.

Изафетные определительные сочетания, как простые, так и сложные, строятся по одинаковой схеме, изменение которой недопустимо. Изафетные определения играют важную роль в синтаксисе тюркских языков, в том числе якутского и долганского.

2.2. Определение в тунгусо-маньчжурских языках

Определение в эвенском языке может относиться к главным и второстепенным членам предложения с предметной семантикой, отвечает на вопросы иррөчин? ирбөчөн? «какой?», ирэк? «какой? который?», адыс? адытан? «который по счету?» як урэчин? «на что похожий», нини? «чей?» ни «предмет? чей?». Определения, характеризующие признак по действию, отвечают на вопросы к причастиям яри? «что делающий?» ядди? «что делающий сейчас?» яча? «что сделавший» ятла? «что давно сделанное?» ямат? «что только что сделанное?» ядинга? «что могущий сделать?».

Связь в атрибутивных конструкциях возможна по способу согласования, примыкания и притяжания. По способу согласования и примыкания связаны определения, характеризующие признак или качество предмета. Определения, выражающие признак по принадлежности, связаны способом притяжания или отражения.

Определение в эвенском языке выражается именем прилагательным, конверсивным адъективированным существительным («имя предметно-качественно-наречное»), существительным в изафетных атрибутивных конструкциях, числительным, местоимением, причастием и конструкцией с именем отрицания ачча.

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе гипотетической алтайской общности языков, для которых характерна строгая препозиция определения к определяемому слову. Редко обособленные определения могут занимать постпозитивное положение: тарал элгэлэттэн көчүкэккэн Эдуки-Дөмнэмэгэн бисин, хо чакти, тургун-да «среди них была маленькая ласточка Эдуки-Дөмнэмэгэн, очень ловкая и быстрая».

В восточных говорах эвенского языка препозитивные определения согласуются с определяемым словом, в большинстве говоров среднего и западного наречия согласование факультативно, может быть неполным, только в числе. В ламунхинском говоре западного наречия, зависимый член атрибутивной конструкции примыкает к главному слову в неизменяемой форме, хотя в идиоматических сочетаниях возможно согласование, напр., эрэ-в (в вин. п. ед. ч.) инэнг-у (в вин. п. ед. ч.) «сегодня». Согласование в ламунхинском говоре сохранилось также в сочетании «личное местоимение + определительное местоимение бэй «сам»: мин-ду бэй-ду-в «мне самому», hin-ду бэй-ду-с «тебе самому», нонган-дун бэй-ду-н «ему самому».

Определение, выраженное именем прилагательным:

а) производные имена прилагательные, не имеющие формальных признаков, отличие от имен существительных заключается в обозначении качественного или относительного признака и препозиции: гуд кадар һэлэн гусэтэ тэгчэ «на вершину высокой скалы сел орел»; ай төрэм гөннэс «хорошие слова ты должен говорить»;

б) адъективированные существительные, или субстантно-признаковые имена («имя предметно-качественно-наречное»): атикан мо утэндүлэ тэгэттин «старушка жила в деревянной избушке»; төнгэр һөлилэн һэл гиду бакрив «на краю озера я нашел железное копье».

в) производные качественные и относительные прилагательные, оформленные суффиксами прилагательных: бадикарап осикат урэкчэн өйдэлэн гилдэлрэн «над горой засияла утренняя звезда»; нёбатич нанрач мунгэрэй дассан «белой шкурой покрыл свой мешок»; амрак эгдем төнгэру бакрап «вскоре мы нашли большое озеро»; нүлэм һялта бисин «был страшный мороз»; нямсила дюла ими аике «как приятно зайти в теплый дом»; тарал элгэлэттэн көчүкэккэн Элдуки-Дөмнэмэгэн бисин «среди них была маленькая ласточка Элдуки-Дөмнэмэгэн»; этикэн ирбэт тэкэку тэтичэми нукрин «старик снял старое рваное пальтишко».

Определение, выраженное именем числительным:

а) количественные числительные: мут һунду дыгэм бэю бөдьип «мы вам дадим четырех человек»; өмэн аси олрамыча «одна (некая) женщина рыбачила»;

б) порядковые числительные: мин һуту илиду классту һупкуттэн. Би дюлай дөгис куна бисэм «я в семье (в доме) второй ребенок»; час, гя-да елтэнни «час прошел, и второй»; илитан инэн эмчэлэн, Гиро дюдукый нёрин «когда наступил третий день, Гиро вышел из дома».

Определения, выраженные местоимением:

а) указательные детерминативы: эрэк дёр нукдэнел экич оради гөн «этих двоих темных нельзя оленями называть»; тарав инэнгу гору алаттив «тот день я долго ждал»;

б) определительные и лично-возвратные определительные местоимения: эррөчирбу эгдэьлбу дюлбу Мико элэкэс иттэн «такие большие дома Миша увидел впервые»; тар таррочин окат Киникич! «вот такая река Киникич!»; һан дюл дёлаьлдук опчал «некоторые дома построены из камней»; би мэнкэн эмнив элэ «я сам сюда пришел»; һи бэйэс голу калтакли «ты сам наруби дрова»; чэлэн бэй тар дюгулин долдача «все люди слышали об этом»;

в) вопросительные местоимения: иррөчим эвикэм унидьим һунадти? «какую игрушку куплю дочери?» авуг хотарам һинмадьинри? какую дорогу выберешь? ирэк авсав атас анирин? «какую сумочку подарила твоя бабушка?»; эр ни учакан? «это чей олень верховой?»

г) полные и неполные формы лично-притяжательных, возвратно-притяжательных местоимений и лично-возвратные притяжательные местоимения. В словосочетаниях с притяжательными местоимениями определяемое слово оформляется соответствующим личным посессивным суффиксом: мин нгину дюддэлэвун туттин «моя собака бежала перед нами»; һин дюс эдук гор? «твой дом далеко отсюда?»; нонан дилганни аран-аран иснэн «его голос еле-еле было слышно»; би мэ:нңив(у) учаку дэрисэнчэ «мой собственный верховой олень сбежал». В говорах западного наречия личные местоимения функционируют в качестве несамостоятельной формы притяжательного местоимения: би учаку бэрипчэ «мой учак пропал»; һи дилгамус долдарам «твой голос я услышал»;

д) неопределенные местоимения оформлены соответствующими неопределенными частицами: ирэк-кул бэй нэнэддэн «какой-то человек идет»; Ни-гул авуми бэричэ «кто-то шапку потерял»; иррөчим-дэ ою тэтли «надень любую одежду».

Определение, выраженное именем существительным:

а) связывается по способу притяжательной связи и представляет конструкцию «существительное + существительное с притяжательным суффиксом 3 л.», выражает признак по принадлежности: чамак һутчэнни дьолду һуличиддан «детеныш сурка греется на камне»; гургэ уроклан кунал мо эвикэлбу оритан «на уроке труда дети делали деревянные игрушки»; апрель һолигални эрэгэр нөсти бидир «апрельские зори всегда будут юными»; нонан дилан икиривэн һятла ноканмай «кости его головы следует повесить на иву»; чогакан кингэлини илрэн «звон колокольчика послышался»;

б) выражает признак по обладанию, оформляется суффиксом -лкан/-лкэн: өмэн учикалкан бэй эмнэн «пришел человек с одним верховым оленем»; бадикар ни дыгэн бодэлэлкэн? «кто утром с четырьмя ногами?»; оралтан һан чогакасал «некоторые олени с колокольчиками»; олгача гол ибгач дургэрэн «высохшие дрова хорошо горят»;

в) выражает признак по отрицанию наличия чего-либо, представляет конструкцию с именем отрицания ачча:

1) ачча бэю мэндэрэм «ищу отсутствующего человека»; Пито ачча орам гэлэтнэрин «Пито пошел искать отсутствующих оленей»;

2) в форме ач представляет неделимое сочетание с существительным, оформленным суффиксом -ла/-лэ (-на/-нэ): ач авунна куна төллэ нёрин «ребенок без шапки вышел на улицу»; ач иманрала исагли орал онкадда «в лесу без снега пасутся олени»; ач надала дедам эдьи унигрэр «ненужные вещи не покупай».

Определения, выраженные причастиями: балдача төрэм и аявми «любя родную (был рожден) землю»; би һари улицали гиркаддам «я иду по знакомой улице»; биннэлбу илкэлбу илилра «поставьте нужные знаки»; кунал гургэвчирилтэки асалтаки дагамра «дети подошли к работающим женщинам»; отла турки дю чагдалан бисин «давно сделанная нарта стоит за домом»; дурэмэт һиги ач тэвтэлэ «недавно сгоревший лес без ягод»; дуриу һивдинэ удан удалран «пошел дождь, способный потушить пожар».

В эвенкийском языке в роли определений чаще всего выступают прилагательные, местоимения, числительные, причастия. Определение чаще всего стоит перед определяемым словом и характеризуется полным или неполным согласованием. По принятым нормам литературного эвенкийского языка оно согласуется в числе и в падеже: прил. — бй гугда-л-ва ирэк-т-л-вэ ичэм «я высокие лиственницы увидел»; прич. — нуһан икэдэри-л-дулэ бэе-л-дулэ дагамаран «он к поющим людям подошел». В многочисленных же говорах эвенкийского языка чаще используется неполное согласование, как правило, есть согласование в числе, но нет согласования в падеже: числ. — алагумни надан кунжак-дү гудеи-л книга-л-ва бүрэн «учительница семерым детям красивые книги дала»; мест. — бэеткэн мэнь-лэ-ви дь-лэ-ви мучуран. «мальчик в свой дом вернулся».

Если в речи необходимо выделить признак предмета или явления, то определение стоит после определяемого слова: нуңан хутэ-лэ-ви, сагдыргу-лэ-ви, ирэмэрэн. «он к ребёнку-своему, к старшему, приехал в гости».

В нанайском языке определения характеризуют определяемое по признаку, составляющему его свойство, качество: сахараи тэвэкэ тургэнди энэйни «черная туча быстро движется», а также характеризуют определение по признаку принадлежности: аода кэкүкэни уелэни инда девэнсэлни гуэнгилугухэчи «над луговыми цветами снова зажуужали шмели». Особенности определения в нанайском языке состоит в их строго закреплённой позиции в предложении — перед определяемым словом, к которому оно примыкает. Примыкающим определением могут быть разные части речи: прилагательные, числительные, указательные местоимения, причастия и имена существительные.

Чаще других частей речи в роли определения выступают прилагательные, в силу их общеграмматического категориального значения — выражать признак пэва бэрэни алдандолани нонди хэду йрини «из щели оконной рамы проникает холодный ветер».

Имя прилагательное в нанайском языке обозначает признак предмета, не изменяется в прямом необособленном употреблении, подчинительно связано с именами предметного значения. Качественные имена прилагательные могут сочетаться с наречиями степени эй хурэ¹ чү когда «эта гора самая высокая», могут оформляться суффиксами субъективной оценки хумдукүкэ² арчока³ дичини «пришла худенькая девочка». В качестве определений выступают производные прилагательные, перешедшие в разряд прилагательных существительные в форме обладания муруңку соли кэчивэ вэхани «умная лиса поймала сазана», туй ниңманду арга⁴ ана мапа буйкини «так в сказке бесхитростный медведь погиб». К общекачественным прилагательным относятся также отнаречные прилагательные эй таода⁵ тэрэк би «этот ответ правильный» и отглагольные прилагательные с суффиксами –кто/-кту, -пси, -со/-су, -мо/-му нихэлику даңса «открытая книга», дэңсису эди «заботливый муж», агдапси мэдэ «радостная весть», инему гисурэ⁶ «смешной рассказ». Качественные прилагательные цвета имеют омертвевшие словообразовательные суффиксы –гдян/-гден/-гдён/-гдюн сээгдэ⁷ гивана «красный рассвет», –нгиан/-нгиэн нёңгиа⁸ нядяха «зеленая трава»; –ла/-лэ + би чала би босо «беловатая ткань», –рбар/-рбэр + би нёорбор би хурэ⁹ «площадь голубая (синяя, зелёная) гора». Качественные прилагательные вкуса и запаха имеют суффикс –си боёрси амтака «кислая ягода», качественно-пространственные прилагательные с суффиксом –вой/-вуй, –уй ўвуй тахи «верхняя полка», кэкэсэ дюлуй бэгдини «передние ноги кошки», –рой хаморой тэмчизэ¹⁰ «последняя лодка»; качественные прилагательные размера с суффиксом –ми дарами Маңбо «широкий Амур», к ним относятся и непроизводные прилагательные даи най «взрослый человек», когда падира¹¹ «высокая стена»).

Существует три случая употребления прилагательных. Прямое употребление — это качественное значение прилагательного (муруңку тачиочимди «умный ученик»). При заместительном употреблении прилагательного названием признака предмета обозначается предмет — носитель этого признака, а название предмета, известное из контекста, опускается (эй гиалакочи буэ нүчи хоргова йвухэпу, гой гиалакочи-тани дайва йвухэпу «в эту комнату мы внесли маленький шкаф, а в ту комнату внесли большой»). Обособленное употребление прилагательного выражается порядком слов и согласованием прилагательного с существительным в падеже и числе (буэ гиандопова торасалба, гогдасалба, илгамохачи «на нашей улице поставили столбы, высокие»).

Числительные разных разрядов употребляются, выражая количественный признак. Количественные числительные обозначают количественный признак предмета дёбохандои нёани сосай миңга¹² таңго тиэсэвэ бэхани «за свою работу он получил пятьсот тысяч рублей». Количественные числительные могут иметь прямое и заместительное употребление, могут выступать в роли обособленных определений. При прямом употреблении числительные не согласуются со своими определяемыми и не склоняются. В заместительном и обособленном употреблении количественные числительные, как и прилагательные, обладают способностью склоняться, при склонении составных числительных падежную форму принимает последнее из слов. Количественным числительным свойственна грамматическая категория приближительности с суффиксом –ва/-вэ // –ба/-бэ хоримба нүчикэндюэ¹³ дичичи «пришло около двадцати детей». Некоторым числительным свойственна грамматическая категория обобщения с суффиксами –то/-ту // –тоңа/-туңэ // –тоңаса/- туңэсэ соли дюэту мапа насалбани камдохани «лисица оба глаза медведя заклеила»; амба¹⁴ дюэтуңэсэвэ вэхани «тигр обеих (собак) убил». Порядковые имена числительные обозначают порядковый признак предмета дюэр миңга¹⁵ дюэчизэ айңаниду балдихани «он родился в 2002 году»; пиктэни илиа классаду тачиочини «её ребенок учится в третьем классе».

Беспадежная форма личных местоимений, омонимичная личным местоимениям, служит для выражения прямых необособленных определений по принадлежности в притяжательных словосочетаниях суэ даминсу дичини «пришел ваш дедушка»; мэлденду ми агби дабдихани «на соревнованиях победил мой брат». Возвратно-притяжательное местоимение мэнэ (омоним определительному местоимению) употребляется только в роли первого члена притяжательного словосочетания — определения данимпу мэнэ лээмии илгалахани «наша бабушка вышла орнамент на своих тапочках»; ми мэнэ ихомби улэсии «я люблю свое село». Указательные местоимения служат для указательного обозначения предметов или их признаков, выделяя их из однородных предметов и делятся на подразряды:

- 1) предметно-указательные эй «этот», тэй «тот»;
- 2) качественно-указательные: эмэчэ «этакий», тамача, тэмэчэ «такой», эчи би «подобный этому», тэчи би «подобный тому»; туй би «такой»;

- 3) пространственно-указательные: эе «этот», тая «тот», эвуй, эвуйдимэ «этот», тавой, тавойдима «тот».

У качественно-указательных местоимений главная функция — определение тамача най хэм сәми мутэйни «такой человек все может узнать»; маңбо тая калтадоани боача¹⁶, эе калтадоани-тани — дуэнтэ «на той стороне Амура остров, а на этой стороне его — тайга». Пространственно-указательные местоимения выполняют функцию определения и неизменяемы по числам и падежам. Предметно-указательные местоимения могут замещать наименование признака предмета и обозначать его указательный признак эй дёдянду туй сагди гуру¹⁷ дёдыхачи «на этом суде так пожилые люди

присудили». Вопросительные местоимения уй и хай могут служить определением к существительным хай голо? «что-за национальность?»; хай эринду? «в какое время?»; хай боала? «в каком месте?»; хай эрдэнди аңгоха? «каким способом сделано?». Качественно-вопросительные местоимения хамача? «какой?» хамача най онива даорини? «что за человек реку переезжает?»), хōни би? «какой по качеству?» обозначают признаки предметов; местоимения хайма? «какой по материалу, по веществу?» си отаси хайма? «твоя обувь из какого материала?», хāлипчи? «какой по времени?» употребляются в роли заместителей вопросительных прилагательных эй эпэ¹ хāлипчи? «этот хлеб какой по времени?»; хавой? «который?» хавой дё суэнги? «который дом ваш?», хая? «который из?» употребляются для заместительного обозначения названий признаков предметов; хадю? «сколько?» обозначает количественные признаки предметов хадю мода² пулсхэси? «сколько раз ты ездил?».

Вопросительные местоимения обозначают предметы или их признаки чаще в вопросительных предложениях. Каждое вопросительное местоимение замещает одну или несколько частей речи и употребляется в синтаксической функции и грамматической форме, которые присущи замещаемому слову (предметно-вопросительные уй? «кто, каков?»; хай «что, что за, каков?»; качественно-вопросительные хамача? «какой, что за?»; хōни би? «какой по качеству?»; хаоси би? «какой, что за?»; пространственно-вопросительные хавой? «который?»; хая? «который из двух?»; вещественно-вопросительное хайма? «какой по материалу, веществу?»; вопросительно-временное хāлипчи? «относящийся к какому времени?»; количественно-вопросительное хадю? «сколько?» эй уй бичхэни? «чье это письмо?»; минду хайваси бāдямби? «у себя что твое я найду?»; хай эринду дидиси? «в какое время придешь?»; хōни би бобой! «какая драгоценность!».

Причастие в роли определения стоит перед существительным в беспадежной форме миочалахан³ най ичэдейни «выстреливший человек смотрит». Основная функция личного причастия — определение, в этой роли простая форма является беспадежной оралди сиасимба эси-дэ дōлдиорини «до сих пор слышен отдающийся эхом звук»; даосомба гачи⁴ эктэ уңикини «купившая соль женщина сказала». Притяжательная форма личного причастия может служить определением буэ тул-тул хотончи пулсивэри огдава улэсипу «нам нравится лодка, на которой мы постоянно ездим в город». Безличное причастие в роли определения может выражать признак предмета сориори мэдэни дичини «весть о сражении пришла». Аналитические отрицательные формы личных причастий могут употребляться в функции определений эчиэ агбинда урэктэкэ⁵ холгохани «не появившийся росток высох». Из безличных причастий аналитическую отрицательную форму имеет только причастие прошедшего времени долбо эчиэ таомбова хосикта ичэурини «ночью видны нескитанные звезды».

Имена существительные в функции определения обладают грамматической категорией прямой и косвенной принадлежности, прямая принадлежность выражается притяжательными формами и формами обладания нāнай хэсэвэни тачиочипу «мы изучаем нанайский язык»; удиңку нймэңкэ⁶ эрдэ тээрочи «соседи, имеющие домашний скот, рано встают».

2.3. Определение в финно-угорских языках

В роли определения в вепском языке выступают имена существительные, прилагательные и местоимения, а также причастие. Определение в вепском языке всегда стоит перед определяемым словом.

В вепском языке, в случае, если имя существительное выступает в предложении в роли определения, оно может функционировать в форме двух падежей: номинатива и генитива. Наличие существительного-определения в форме падежа генитива, т.е. в роли посессивного генитива — это отличительная особенность вепского как представителя финно-угорской группы прибалтийско-финских языков. Существительное-определение в форме номинатива во многих случаях пишется с определяемым словом через дефис.

Существительное в роли определения:

Petr-vellēl om ak paharubekaz i ramb «у брата Петра жена рябая и хромоногая».

Существительное в форме посессивного генитива в роли определения:

Ľehmān karv om siled, čoma «спина у коровы гладкая, красивая».

В вепском предложении прилагательное и причастие в роли определения всегда согласуются в числе и падеже с определяемым: nägišter'he muřžāmen, čoman akan [10, С. 338] «увидели они молодуху, красивую женщину».

Прилагательное в роли определения:

Hoikanil'e žiřatōl'e tafiř čomad heinad sada [10, С. 126] «для мелкого скота надо заготовить хорошей травы».

Hāipakod sil'mad řist'itun, konz l'āžub [10, С. 139] «глаза у человека тусклые, когда он болен».

Причастие в роли определения:

Sures lumes ežižele mecńikale řōumemb keikid assta [10, С. 182] «в многоснежье идущему впереди охотнику тяжелей всех идти».

Личные местоимения в роли определения функционируют в форме генитива. Другие местоимения в этой роли могут выступать в формах разных падежей. Вепские местоимения-определения (за исключением личных) в предложении согласуются с определяемым в числе и падеже.

Местоимение в роли определения:

Āi vaihīd' otahtab meiden kel'he otahtahda [10, С. 82] «многие слова похожи на наш язык».

Neņe muřikad kohtaiřed radńikad [10, С. 216] «эти мужики — одинаковые работники».

Синтаксис некоторых элементов предложения в хантыйском языке рассмотрен в работах Каксина А. Д.: «по семантике определительные словосочетания могут быть притяжательными и непритяжательными. И в том, и в другом случае определяющее слово (определение) всегда предшествует определяемому слову. В качестве определения могут выступать: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, причастие, некоторые наречия. Грамматическая связь между определением и определяемым словом не находит морфологического выражения, но определение в словосочетании всегда имеет форму основного (неопределенного) падежа. В составе предложения между определением и определяемым словом могут располагаться только другие приименные определения (порядок

их следования в ряде случаев тоже регламентирован) Другие члены предложения не могут занимать указанную синтаксическую позицию; ср. примеры на разные типы определений: вухсарен йеук хот тайс «у лисы ледяная избушка была», потэм вулы ньухи «мерзлое оленьё мясо», холэм питы кэпи «три черных кошки», ньэлмит хэтэл «четвертый день», лув пасты кэшэл «его острый нож», тум пирэц имэн «та старая женщина», щи хуват вуша мэнэм вулэт «так далеко ушедшие олени». Между определением и определяемым словом отсутствует грамматическое согласование в числе и падеже. При включении определительного словосочетания в предложение показатели названных категорий присоединяются только к главному слову (определяемому), а определение остается в форме номинатива: тови йам хэтлэн пон вантты мэнсээн «прекрасным весенним днем пошли проверять ловушку для ловли рыбы»; па атэм мулсэр турэн увэл «и каким-то дурным голосом орет» [12, С. 127–128].

Кошкарева Н. Б. отмечает, что «определения и обстоятельства являются факультативными членами предложения, их наличие (или отсутствие) существенно не влияет на обобщенную семантику предложения, хотя в аспекте актуального членения может быть необходимым» [13, С. 4].

В мансийском языке определение может быть выражено:

- существительным: йив кол унлы «деревянный дом стоит (букв. сидит)». Притяжательное определение, например, мәнси хәп «мансийская лодка».

- прилагательным: нор кол сәс колныл рёгың «деревянный дом теплее берестяного шалаша»;

- количественными числительными: мән сярквут яяңк хус сәлы түп ыньсёв «в нашем стаде есть только двадцать белых оленей». Стоит отметить, что в случае наличия в предложении однородных определений непосредственно перед определяемым словом стоит то определяющее слово, которое характеризует предмет со стороны количества, а перед ним ставится то определение, которое характеризует предмет со стороны качества [20, С. 172].

Определения, выраженные существительными, прилагательными и числительными, называются именными.

Также определение в мансийском языке может быть выражено местоимением: Ты сәт, ты хөт пәл тәлп нюлы вөт сай вәрёгыт «эти семь, шесть пихт с густой хвоей нас от ветра защищают» [19, С. 75].

Обстоятельственно-глагольные определения в мансийском языке выражены причастиями и деепричастиями, например: товлыңхәпыл тотнэ пөчта молях юв «доставляемая самолетом почта приходит быстро»; улат үснэ ойка юнтым татем ты үнлы «мужчина сидит в ловушке, подраывая» [20, С. 172].

Определение, какой бы частью речи оно не было выражено, всегда стоит непосредственно перед определяемым словом. В противном случае оно теряет функцию определения и становится сказуемым или дополнением (в зависимости от смысла предложения): ср.: выгыр сампа сәв кәсэв сәвыл пувитэв «мы добываем много красноглазых сороки» и тәл турман этт вәри «зимой ночи становятся темными» [20, С. 172].

2.4. Определение в самодийских языках

В ненецком языке определение отвечает на вопросы хурка? «какой?» ханзер”ңэда? «что за? каков?» ңамгэрахә? «чему подобный?» хибярахә? «кому подобный?» ханяңы? «который по месту?» сянемдей? «который по счету?» ся”ны? «когда происшедший? когда совершившийся» (досл. когдашний?) хибя е”эй? чей?

В ненецком языке определение всегда стоит перед определяемым словом и не может быть отделено от него никаким другим членом предложения. Перестановка определения и определяемого слова в ненецком языке невозможна. Связь эта настолько сильна, что существительное предметного значения, попав в позицию определения, выступает в роли прилагательного и отвечает на вопрос хурка? «какой?» Например: илебэй вэба «зеленый лист», пирця хой «высокая сопка», пинхад нявако (тэваси) «трусливый зайчик».

Определение в ненецком языке согласуется с определяемым словом в числе только в именительном падеже. Например: ехэрана ненэць” то «незнакомый человек пришел». ехэрана” ненэця” то” «незнакомые люди пришли».

В остальных падежах определение обычно примыкает к определяемому и остается в форме основы. Например: едэй хардан” тю «в новый дом вошёл», едэй хардахад тарпы” «из нового дома вышел», едэй хардахә”на иле” «в новых домах живут».

Определение в ненецком языке выражается различными частями речи:

- именем прилагательным. Например: пирця хой” ңади” «видны высокие горы». Пэдэрэй варк яв’ сяд’ ни’ тэвы” «лесной медведь дошёл до высокого берега моря». Сятаний хэвхана ңарка яха ңэвы «с левой стороны была большая река»;

- основой имени существительного. Например: нероко яхако’ хэвхана ңоб” пухуця илевы «у ернистой (поросшей тальником) речки жила одна старушка»;

- именем существительным в форме родительного падежа. Например: нохо’ хоба мире”ңа «шкура песка ценная». Некани хан сава «нарта моего брата хорошая»;

- причастием. Например: товы вэсако мят’ тю «приехавший старик вошёл в чум». Ёрмы ңанохона тамна ңамды «рыбак (рыбачивший) ещё сидит в лодке». Подермадавэй” ты” вад’ хэвхана ну” «незапуженные олени стоят около загона»;

- именем числительным. Например: тетитмдей тэда сэр” ты «четвёртый его олень — белый»;

- местоимением. Например: тюку ханени” харто’ харададо’ тания” «у этих охотников есть свои дома». Хусувэй ненэць” харта вадамда мэ”ңа «каждый человек говорит на своём языке»;

- глагольным именем. Например: ныланава яля” ваера «кончились дни отдыха»;

- наречием. Например: пыда нули” ян’ яв’ вар’ хэван’ тэвыв” «я подошел к самому морю»;

- деепричастием в неопределенной форме. Например: тарем’ лаханако минзь пон’ мимамдо’ нивэдо’ хамэда” «так они шли, разговаривая и не заметили, что шли долго».

2.5. Определение в эскимосско-алеутских языках

В эскимосском языке второстепенные члены предложения могут быть выражены как отдельными словами, так и словосочетаниями. Оказываясь в позиции члена предложения, эскимосские слова приобретают определенные

показатели связи с его главным словом. В случае определения с именным членом таким показателем является падежный.

Определение как второстепенный член предложения в эскимосском языке выступает редко. Обычно в роли определения выступают иные средства передачи этого же значения, это может быть зависимая предикация или суффиксальные элементы в составе эскимосского слова.

В роли определения могут выступать:

- Имена качественные. Имена качественные образуются от разных различных основ с помощью суффиксов: -туғаҕ, -кыхтаҕ, -стаҕаҕ, -рак, пальюҕ; Юкыхтаҕ аҕлинҕаҕ маюҕаҕуҕ пынҕамун «мужественный поднимается на утес». Мыкыстаҕаҕ мыкылҕиҕаҕ каюсиҕаҕуҕ лҕми наминун «маленький мальчик помогает своей матери».

- Отглагольные имена, образующие с помощью суффиксов -сиҕ, -(у)н, -таҕ со значением имя орудия или инструмента: нама тукфими линаҕусит игат «мама купила учебные книги» (букв. «инструмент узнавания книги»).

- Имена существительные в относительном падеже: колхозым улимавиҕа... «колхозная мастерская ...» (букв. «Колхоза мастерская его ...»).

- Имена существительные с суффиксом -лык, обозначающие имена обладания «обладатель, владелец чего-то», способны выполнять функцию определения: аҕьялыҕмун юҕмун апусимаяхтукут ухтаҕналыта, ийҕырҕа ихсякуминкут «к имеющему байдари человеку обратились мы, чтобы покатали нас, но он отказал».

- Местоимения. Неопределенные местоимения в предложении выступают чаще всего в значении обобщённо-качественных определений: тамаҕам тыҕигам аликаҕа юк «каждый зверь боится человека». Также могут выступать в роли определения указательные местоимения: такут игат лывилҕамнун ҕакухтыки «эти книги на полку положите».

6) Имена числительные. В функции количественного определения выступают числительные: пиҕаюныҕ мыҕтыҕаныҕ ануамат югыт «из трех жилищ вышли люди». Мыҕусимаҕ маҕраҕвинлык югыт: стама утыҕнимат, пиҕают икусимит «охотились семь человек: четыре вернулись, троих унесло» (числительное маҕраҕвинлык «семь» выступает в функции количественного определения).

2.6. Определение в чукотско-камчатских языках

Определение в чукотском языке может быть выражено:

- притяжательным местоимением: мургинэт к'лявилтэ энмэч эквэтгэт к'ората амнон'эты «наши мужчины уже отправились на оленях в тундру»; гыткык к'ача мургин н'элвыл нытвак'эн «около озера наше стадо находится»;

- притяжательным существительным: ынпыначгэн милгэр рэнмык ныймэтвак'эн «ружьё старика на стене висит»; моргынан нэнавалёмморэ ынпыначгыргэн вэтгавыт «мы слышали разговоры стариков»; н'эйгин'кы яран'ы уттин, н'айыткынык-ым выквэн «у подножья горы дом из дерева, а на горе из камня»;

- именем-причастием: винрэтылын ынпын'авэты амк'ынҕычо ынык нымигчирэтк'ин «помогающая старухе ежедневно у неё работает»; инэнлэтэтылын кимитэ энмэч пэлк'ынтэтгэи «отвозящий груз уже возвратились»;

- инкорпорированным именем-причастием: умкыгынритылын ынпыначгын таран'гэ гытгырочын'кы «охраняющий лес старик построил дом на том берегу озера»; атомгыпэлякылэн а'ачек ынаньячы тыттэтгэи н'аеты «не оставляющий товарища юноша позже всех забрался на гору»;

- аналитическим комплексом качественного значения – с помощью наречия и отглагольного причастия «валын»: тумгэ кылгэннинэт йык'эты валыт к'аат «товарищ запряг быстрых оленей»; мурык библиотек варкыт амалван' ынҕам гэчевкы валыт кэлит «у нас в библиотеке есть разнообразные и интересные книги».

- именем качественного состояния: гымык варкын нытурк'ин, нытан'пэрак'эн кэркэр «у меня есть новый, красивый комбинезон»; эмнун'кы нынн'эк'инэт нычелгык'энат, нилгык'инэт тын'эчыт «в тундре растут красные, белые цветы».

2.7. Определение в изолированных языках

Определение в нивхском языке отвечает на вопросы: нар' «какой?» нуд? «чей?».

Определения в нивхском языке могут быть выражены существительными, числительными, качественными глаголами, местоимениями и выступают в словосочетании препозитивно.

Количественные числительные до пяти выступают во всех синтаксических функциях, в том числе не только в функции определения, но и в функции определяемого: мыткыла раҕгэҕлу нену во п'ир' жунвд «маленькая девочка в одном селе жила». Мыткыла образовано от основы качественного глагола мыткыд «быть маленьким» + показатель качественного признака – ла.

В нивхском языке имеется достаточно широкая группа местоимений, выполняющих роль определения в предложении. Например, личные местоимения, такие как ни «я», чи «ты», яу «он, она, оно», нин «мы (без вас)», мин «мы (с вами)», чин «вы», ин, ирн «они» часто выступают в сочетании с именами существительными. Приведем примеры таких словосочетаний: нь рух «мой топор», ч рух «твой топор», я дух «его топор», нин дух «наш топор».

Притяжательные местоимения мины, нинык «мой» (букв.: «моя вещь»), чины, чинык «твой», яны, янык «его, её», нинык «наш», чиннык «ваш», иннык «их», п'иннык «свой», которые образованы от личных и возвратно-определяющего местоимений при помощи суффиксов -ны/нык. Суффикс -ны восходит к слову «вещь», -к суффикс объекта.

Определяющие местоимения парк, пырк сам, тымдид «такой», хымдид «такой», тымрант, тымрад, хымрант, хымрад «такой, имеющий уважительное значение» указывают на собирательный признак предмета; туҕкс «столько (указываемое количество находится вблизи)», жуҕкс «столько (указываемое количество находится в отдалении)», энант, энад «другой», сик, сикм «все». Местоимение сик, сикм «все» чаще всего употребляется в функции определения при существительных и других местоимениях, но также может употребляться без определяемого существительного, если это позволяет контекст.

В нивхском языке возвратно-определяющее местоимение п'и «сам, себя, свой» употребляется в различных значениях:

- 1) как возвратное местоимение;
- 2) как определительное местоимение;
- 3) как универсальный заменитель всех личных местоимений в причастных оборотах, когда подлежащее причастного оборота и подлежащее основного предложения обозначают одно и то же лицо.

Особую роль в нивхском языке играют качественные глаголы, обозначающие качественные признаки предметов, лиц, явлений, т. е. семантически они соответствуют качественным прилагательным русского языка. Качественные глаголы по признаку сочетаемости с показателем – ла выступают чаще в атрибутивной функции с – ла или иногда без – ла. Примеры: *маткымк нана озр нёух урла ма гер яжр инд.* «мачеха только что недавно встав, хорошую ююлу из амбара взяв, нарезала стала есть»; *адяй потюрла пуйнагун чарни вотит пуйт вины, ян ин нрыд сморад.* «когда летели еще красивые птицы подобно облакам, она любила на них смотреть».

Заключение

В рассмотренных одиннадцати разносистемных языках коренных малочисленных народов Севера, представляющих тюркскую, тунгусо-маньчжурскую, финно-угорскую, самодийскую, эскимосско-алеутскую, чукотско-камчатскую семьи и изолированный нивхский язык можно выделить следующие особенности функционирования определения.

Наиболее частотной частью речи, используемой в роли определения в рассматриваемых языках, является местоимение. Отметим, что существуют частные различия в употреблении местоимений в языках разных систем, связанные с видовым разнообразием данной части речи в роли определения. Например, в чукотском языке в роли определения выступает именно притяжательное местоимение, а в нанайском языке употребление местоимений в данной функции гораздо шире: личные, возвратно-притяжательные, указательные, вопросительные.

Следующим по частотности является имя прилагательное, кроме эскимосского, чукотского и изолированного нивхского языка, в которых функцию прилагательного выполняют либо имена качественные, либо качественные глаголы. Например, качественные глаголы в нивхском языке семантически соответствуют качественным прилагательным в русском языке.

Имя существительное в роли определения функционирует во всех исследуемых языках, но имеются некоторые грамматические различия. Например, в ненецком языке существительное в роли определения тяготеет к субстантивно-адъективной форме. В финно-угорских языках в роли определения существительное может функционировать в форме посессивного генитива, то есть как притяжательное определение. В эскимосском языке существительное может функционировать только в форме относительного падежа.

Имя числительное в роли определения используется во всех представленных языках. Интересно применение числительного в нивхском языке, имеющем особую систему счета. В этом языке числительные до пяти могут выступать как в роли определения, так и в роли определяемого.

Отглагольные определения в исследуемых языках могут быть выражены причастием за исключением эскимосского и нивхского языков. Особенностью чукотского языка является регулярный процесс инкорпорации причастия в имя, соответственно можно говорить о выделении особой конструкции «имя-причастие», функционирующей в качестве определения.

В результате проведенного сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что употребление деепричастия в роли определения наблюдается только в ненецком языке.

Наречие в роли определения выявлено в ненецком и хантыйском языках. В чукотском языке существует форма - аналитический комплекс качественного значения, состоящий из наречия и отглагольного причастия «валын».

Во всех языках наблюдается фиксированная позиция определения в предложении перед определяемым словом. В случае перестановки определения меняется его синтаксическая функция. Отметим регламентированный порядок следования однородных определений.

Только в долганском и эвенском языках в роли определения наблюдаются изафетные атрибутивные конструкции. Вероятно, это явление связано с тем, что изафет как особый вид связи слов существует в алтайских языках и является весьма продуктивным.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность за научное консультирование Мызникову Сергею Алексеевичу, доктору филологических наук, члену-корреспонденту РАН.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The authors of the article express their gratitude for scientific counselling to Myznikov Sergey Alekseevich, Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Фонетическое введение и морфология именных частей речи: в 2 т / В.А. Аврорин. — Москва; Ленинград : Издательство АН СССР, 1959. — Т. 1. — 282 с.

2. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Морфология наречных и глагольных частей речи, междометий, глагольных частей речи, междометий, служебных слов и частиц: в 2 т / В.А. Аврорин. — Москва; Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. — Т. 2. — 295 с.
3. Артемьев Н.М. Статус долганского языка в системе тюркских языков: научно-методический аспект / Н.М. Артемьев // Реальность этноса. Образование как фактор устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: к 80-летию Института народов Севера : сборник статей по материалам XII Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2010. — С. 313–316.
4. Бармич М.Я. Курс ненецкого языка / М.Я. Бармич. — Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2022. — 359 с.
5. Бродский И.В. Грамматика вепсского языка: учебное пособие / И.В. Бродский. — Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 216 с.
6. Бродский И.В. Синтаксис вепсского языка: учебно-методическое пособие для вузов / И.В. Бродский. — Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. — 60 с.
7. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — Москва: Учпедгиз, 1959. — 628 с.
8. Вахтин М.Б. Синтаксис простого предложения эскимосского языка / М.Б. Вахтин. — Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — 195 с.
9. Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка / М.И. Зайцева. — Москва: Наука, 1981. — 360 с.
10. Зайцева М.И. Словарь вепсского языка / М.И. Зайцева, М.И. Муллонен. — Москва: Наука, 1972. — 748 с.
11. Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка / С.Г. Ильенко. — Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. — 398 с.
12. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка / А.Д. Каксин. — Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. — 176 с.
13. Кошкарева Н.Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кошкарева Наталья Борисовна. — Новосибирск, 2007. — 47 с.
14. Куприянова З.Н. Ненецкий язык. Учебное пособие для педагогических училищ / З.Н. Куприянова, М.Я. Бармич, Л.В. Хомич. — Ленинград: Просвещение, 1985. — 319 с.
15. Меновщиков Г.А. Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед.уч-щ / Г.А. Меновщиков, Н.Б. Вахтин. — Ленинград: Просвещение, 1990. — 303 с.
16. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь: 12 800 слов / Сиб. отд-ние АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии / С.Н. Оненко. — Москва: Русский язык, 1980. — 552 с.
17. Петрова Т.И. Очерк грамматики нанайского языка / Т.И. Петрова. — Ленинград: Учпедгиз, 1941. — 168 с.
18. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — Москва: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
19. Ромбандеева Е.И. Синтаксис современного мансийского языка: монография / Е.И. Ромбандеева. — Тюмень: Формат, 2017. — 248 с.
20. Ромбандеева Е.И. Мансийский язык: Учеб. для пед. уч-щ / Е.И. Ромбандеева, М.П. Вахрушева. — Ленинград: Просвещение, 1989. — 239 с.
21. Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка: Фонетика и морфология именных частей речи: в 2 т / П.Я. Скорик. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — Т. 1. — 448 с.
22. Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка: Глагол, наречие, служебные слова: в 2 т / П.Я. Скорик. — Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1977. — Т. 2. — 375 с.
23. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. — Ленинград: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
24. Щерба Л.В. О второстепенных членах предложения / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. — 1958. — Т. 1. — С. 92–103.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Avrorin V.A. Grammatika nanaiskogo yazika [Grammar of the Nanai language]: Phonetic Introduction and Morphology of Noun Parts of Speech: in 2 vol / V.A. Avrorin. — Moscow; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. — Vol. 1. — 282 p. [in Russian]
2. Avrorin V.A. Grammatika nanaiskogo yazika [Grammar of the Nanai language]: Morphology of adverbial and verbal parts of speech, interjections, verbal parts of speech, interjections, function words and particles: in 2 vol / V.A. Avrorin. — Moscow; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961. — Vol. 2. — 295 p. [in Russian]
3. Artemev N.M. Status dolganskogo yazika v sisteme tyurkskikh yazikov: nauchno-metodicheskii aspekt [Status of Dolgan language in the system of Turkic languages: scientific and methodological aspect] / N.M. Artemev // The Reality of Ethnicity. Education as a factor of sustainable development of small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: to the 80th anniversary of the Institute of the Peoples of the North : a collection of articles on the materials of the XII International Scientific and Practical Conference. — Saint Petersburg: A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2010. — P. 313–316. [in Russian]
4. Barmich M.Ya. Kurs neneczkogo yazy'ka [Nenets language course] / M.Ya. Barmich. — Saint Petersburg: Almaz-Graf, 2022. — 359 p. [in Russian]
5. Brodskii I.V. Grammatika vepsskogo yazika: uchebnoe posobie [Grammar of the Vepsian language: textbook] / I.V. Brodskii. — Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2021. — 216 p. [in Russian]
6. Brodskii I.V. Sintaksis vepsskogo yazika: uchebno-metodicheskoe posobie dlya vuzov [Syntax of the Vepsian language: textbook for universities] / I.V. Brodskii. — Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 2021. — 60 p. [in Russian]

7. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazy'ka [Historical grammar of the Russian language] / F.I. Buslaev. — Moscow: Uchpedgiz, 1959. — 628 p. [in Russian]
8. Vakhtin M.B. Sintaksis prostogo predlozheniya eskimosskogo yazika [Syntax of a simple sentence in the Eskimo language] / M.B. Vakhtin. — Leningrad: Nauka, Nauka, Leningrad Department, 1987. — 195 p. [in Russian]
9. Zajceva M.I. Grammatika vepsskogo yazy'ka [Grammar of the Vepsian language] / M.I. Zajceva. — Moscow: Nauka, 1981. — 360 p. [in Russian]
10. Zajceva M.I. Slovar' vepsskogo yazy'ka [Vepsian Language Dictionary] / M.I. Zajceva, M.I. Mullonen. — Moscow: Nauka, 1972. — 748 p. [in Russian]
11. Ilenko S.G. Kommunikativno-strukturnii sintaksis sovremennogo russkogo yazika [Communicative and structural syntax of the modern Russian language] / S.G. Ilenko. — Saint Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2009. — 398 p. [in Russian]
12. Kaksin A.D. Kazimskii dialekt khantiiskogo yazika [Kazym dialect of the Khanty language] / A.D. Kaksin. — Khanti-Mansiisk: IITs YuGU, 2010. — 176 p. [in Russian]
13. Koshkareva N.B. Tipovye sintaksicheskie struktury i ih semantika v ural'skih jazykah Sibiri [Typical syntactic structures and their semantics in the Uralic languages of Siberia]: dis. abstract ... of PhD in Philological Sciences / Koshkareva Natalia Borisovna. — Novosibirsk, 2007. — 47 p. [in Russian]
14. Kupriyanova Z.N. Neneczkij yazy'k. Uchebnoe posobie dlya pedagogicheskix uchilishh [Nenets language. Textbook for teacher training colleges] / Z.N. Kupriyanova, M.Ya. Barmich, L.V. Xomich. — Leningrad: Prosveshhenie, 1985. — 319 p. [in Russian]
15. Menovshnikov G.A. E'skimoskij yazy'k: Ucheb. dlya uch-sya ped.uch-shh [Eskimo language: Textbook for students of pedagogical schools] / G.A. Menovshnikov, N.B. Vaxtin. — Leningrad: Prosveshhenie, 1990. — 303 p. [in Russian]
16. Onenko S.N. Nanajsko-russkij slovar': 12 800 slov / Sib. otd-nie AN SSSR, In-t istorii, filologii i filosofii [Nanai-Russian Dictionary: 12,800 words / Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy] / S.N. Onenko. — Moscow: Russkij yazy'k, 1980. — 552 p. [in Russian]
17. Petrova T.I. Oчерк grammatiki nanajskogo yazy'ka [Sketch of the grammar of the Nanai language] / T.I. Petrova. — Leningrad: Uchpedgiz, 1941. — 168 p. [in Russian]
18. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian syntax in scientific coverage] / A.M. Peshkovskij. — Moscow: Uchpedgiz, 1956. — 511 p. [in Russian]
19. Rombandeeva E.I. Sintaksis sovremennogo mansijskogo yazy'ka: monografiya [Syntax of modern Mansi language: monograph] / E.I. Rombandeeva. — Tyumen': Format, 2017. — 248 p. [in Russian]
20. Rombandeeva E.I. Mansijskij yazy'k: Ucheb. dlya ped. uch-shh [Mansi language: Textbook for pedagogical schools] / E.I. Rombandeeva, M.P. Vaxrusheva. — Leningrad: Prosveshhenie, 1989. — 239 p. [in Russian]
21. Skorik P.Ya. Grammatika chukotskogo yazika [Grammar of the Chukchi language]: Phonetics and morphology of nominal parts of speech: in 2 vol / P.Ya. Skorik. — Moskva; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. — Vol. 1. — 448 p. [in Russian]
22. Skorik P.Ya. Grammatika chukotskogo yazika [Grammar of the Chukchi language]: Verb, adverb, function words: in 2 vol / P.Ya. Skorik. — Moskva; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1977. — Vol. 2. — 375 p. [in Russian]
23. Shaxmatov A.A. Sintaksis russkogo yazy'ka [Syntax of the Russian language] / A.A. Shaxmatov. — Leningrad: Uchpedgiz, 1941. — 620 p. [in Russian]
24. Shcherba L.V. O vtorostepennikh chlenakh predlozheniya [About the secondary members of the sentence] / L.V. Shcherba // Izbrannie raboti po yazikoznaniyu i fonetike [Selected works on linguistics and phonetics]. — 1958. — Vol. 1. — P. 92–103. [in Russian]